

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ДИСКУССИИ

Первые отклики на мою статью «Периодизация скифской архаики и Древний Восток» показывают, что оптимизм Я. А. Шера по поводу наступления третьего этапа существования научной идеи, когда «это давно все известно», преждевременен. Все оценки соотносятся, пожалуй, со вторым этапом — «в этом что-то есть, но не так». Соглашаясь с необходимостью удревнения РСК в целом, исследователи в частностях, как правило, затрудняются отказаться от привычных схем и представлений, что отчасти может быть вызвано недостатками моего исследования. Но поскольку в некоторых случаях обнаруживается непонимание и неверное толкование отдельных существенных положений, необходимо уточнить ряд вопросов, связанных в первую очередь с периодизацией РСК и ее хронологией.

М. Н. Погребова критикует принцип датировки 1-го этапа РСК, основанный, как она поняла, на слабой датировке кавказских памятников Самтавро и Тли. Однако мой принцип построения хронологии понят неверно. Излагая построения Г. Коссака, я вовсе не опиралась на его датировки и строила хронологию первых двух этапов отличным от него способом. Уточнив содержание его трех этапов, я смогла соотнести аморфное понятие «скифские древности Передней Азии» с конкретным этапом РСК. Поскольку часть находок предметов 2-го этапа связана с турецкими и иранскими памятниками первой половины VII в. до н. э., я считала возможным синхронизировать и остальные находки, которые соответствуют набору предметов 2-го этапа, с письменными свидетельствами Асархаддона о кочевниках, так как их территориальное распределение в целом соответствует географии действийnomадов по источникам его времени. Отсюда и невозможность соотнести их с саргоновскими свидетельствами, как допускает С. Р. Тохтасьев, и со временем Мадия, как предлагает Г. Н. Курочкин. Не рассматривая вопрос о времени и месте сложения скифского звериного стиля, я считала, что комплект вооружения и конской узды, обнаруженный на востоке Передней Азии, был принесен кочевниками оттуда, где он должен был сложиться в рамках 2-го этапа не позднее 90—80-х годов VII в. до н. э. Таким образом я и получила возможность передвинуть время сложения 1-го этапа РСК в VIII в.; датировки Самтавро и Тли мною в этой связи не использовались, другое дело, что они совпали с предложенной независимо от Г. Коссака датой 1-го этапа. Строго говоря, свидетельства Саргона о появлении кочевников южнее Закавказья в конце VIII в. до н. э. не определяют тот или иной этап РСК, а вешей 1-го этапа здесь нет¹. Основанием для отнесения к саргоновскому времени уже 1-го этапа служит археологическая ситуация на территории Ирана и Урарту, ограничивающая, на мой взгляд, возможность удревнения 1-го этапа в досаргоновское время, что вытекало бы из предложения С. Р. Тохтасьева относить к саргоновскому времени еще 2-й этап. Около середины VIII в. на этой территории фиксируется появление элементов культуры из карпато-дунайского региона. По мнению В. И. Козенковой, направление культурных связей между этим регионом и Северным Кавказом до

¹ Указанием на их присутствие на урартской периферии служат костяные пластины из пом. 36 Кармир-Блуря, где они найдены в корзине, прикрытые щитом Аришти I и колчанами Сардури II. Эти вещи VIII в. до н. э. могли попасть сюда из Эребуни, откуда священное оружие было перенесено при закладке Тейшебаини и принесено в жертву Халди, как сообщает надпись на камне.

© И. Н. Медведская, 1994 г. № 4

при закладке Тейшебаини и принесено в жертву Халди, как сообщает надпись на камне.

© И. Н. Медведская, 1994 г. № 4

середины VIII в. до н. э. шло с запада на восток, позже — наоборот. В этом потоке с запада на восток, а затем через Кавказ на юг, по-видимому, и проникли элементы коинской узды, в том числе и железные удила, появившиеся в период НаВ и распространявшиеся в НаС; они представляли здесь иную конструкцию узды, с разъемным соединением удил и псалий [1, с. 71—77]. В РСК железная узда появилась позднее, на 2-м этапе. На фоне проникновения «галльштатского» набора вещей показательно отсутствие к югу от Кавказа компонентов культуры nomadov «доскифской стадии», носителей культуры, оставивших курганы у сел Квитки, Носачево, хотя это предполагаемое М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским проникновение совпадало бы по направлению и частично по времени с «галльштатским» (подробнее этот вопрос рассмотрен С. Р. Тохтасьевым). Настойчивый призыв моих оппонентов перенести начало переднеазиатских походов ко времени, предшествовавшему формированию РСК, основан на *argumentum ex silentio*, в чем по разным поводам они упрекают меня сами. Впрочем, по-моему, к проблеме построения скифской хронологии этот вопрос не имеет отношения.

Итак, в досаргоновское время первая волна РСК, возникшая в «Срединной Азии» (по терминологии М. И. Ростовцева), постепенно достигает Северного Кавказа и приносит сюда некоторые компоненты складывавшегося 1-го этапа. По-видимому, здесь происходит разделение: часть носителей продолжает движение на запад, достигая Приднепровья, другая — проникает через Кавказ, вступив в контакт с урартами (какие метаморфозы происходили как с носителями, так и с набираемыми компонентами РСК — это отдельный вопрос). Возможно, такое же разделение осуществлялось и на 2-м этапе. Некоторое запаздывание отдельных элементов РСК отмечено в моей статье в табл. 1, пространственное же запаздывание самих этапов показано в статье Г. И. Смирновой. Имея в виду это запаздывание в рамках первого 1-го этапа, вероятно, следует приднепровские памятники относить ближе к его концу, а к началу — восточные памятники от Аржана до Гумарово, хотя истоки первого еще более ранние. Одна из возможных моделей такого волнообразного движения описана Я. А. Шером [2].

По недоразумению, М. Н. Погребова приписывает мне утверждение, будто скифы (киммеро-скифы) проникают в Переднюю Азию только на 2-м этапе. Я только подчеркивала, что материальная культура nomadov представлена здесь своим 2-м этапом, но очевидно, что они проникли к югу от Кавказа уже на 1-м этапе. Более глубокий смысл имеет сделанное ею и Д. С. Раевским указание, что вопреки моим представлениям, будто РСК сложилась к началу переднеазиатских походов, она, по мнению оппонентов, развивалась и после их начала, а точнее, «формируется именно в процессе контактов скифов с Древним Востоком». Представленное мною описание поэтапного изменения РСК делает этот упрек довольно неожиданным. Очевидно, что процесс формирования РСКшел одновременно с походами, но не только и не столько в связи с ними. Результаты этих контактов проявились чертами переднеазиатского изобразительного стиля в изделиях из благородных металлов скифского художественного круга на 3-м этапе. Но насколько глубоким и длительным было это влияние или оно ограничилось «одномоментным» производством престижных вещей? Сопоставимо ли это влияние по степени воздействия с греческим на последующей стадии развития скифской культуры?

Для того чтобы обосновать гипотезу о формировании основных черт РСК в результате древневосточных контактов, мои оппоненты в своей последней книге прежде всего должны были отрицательно решить вопрос о стимулирующих РСК импульсах из «Срединной Азии», анализировавшихся многими исследователями и сформулированных Г. Коссаком. Складывается впечатление, что была выбрана наиболее уязвимая для критики работа В. Ю. Мурзина с тем, чтобы с ее критикой закрыть проблему [3, с. 63—72]. Нельзя проблему формирования РСК сводить только к проблеме сложения звериного стиля. Я понимаю, что приверженность древневосточной гипотезе его сложения помогли М. Н. Погребовой и Д. С. Раевскому согласиться и с уძрениением РСК, и с единством культуры

киммерийцев и скифов уже на 1-м этапе. Ибо, если «скифский пласт» Зивие — первая половина VII в. до н. э.— результат контактов «бескультурных» скифов с культурой Луристана, то непосредственные эти контакты, происходившие, по мнению авторов, в самом Луристане, относятся к 1-му этапу. Хотелось бы понять, каким образом это могло случиться? Что могло тянуть в этот труднодоступный край степняков? Одно дело, когда эти горы нужно было только пересечь тем же ассирийцам с целью достичь благодатных земель к востоку от Луристана, и то для этого конница спешивалась, а колесницы «ставили на затылки людей», другое дело — культурные контакты, которые подразумевают более или менее длительное присутствие здесьnomадов. Существование так называемых типичных бронз Луристана приходится на XII—VII вв. до н. э., но расцвет их помещается между IX—VII вв. до н. э. Может ли культура на стадии затухания дать столь сильный импульс, что в результате создается новый художественный стиль и к тому же в инородной среде? Даже если допустить, что скифы оказались в Луристане, то кто из них мог обладать техническими и прочими навыками, необходимыми даже не для создания вещей в новом стиле, но хотя бы для сохранения представлений о луристанском стиле для передачи его на стадии Зивие? Оба автора как будто бы различают походы nomадов на 1-м и 2-м этапах по длительности и глубине их проникновения на территорию Древнего Востока: стремительные рейды на 1-м этапе сменились длительным присутствием на 2-м этапе. Но как же эта стремительность сочетается с культурными контактами киммеро-скифов и носителей культуры луристанских бронз на 1-м этапе, и к тому же так далеко на юге от Закавказья? Начиная со времени Тиглатпаласара III, ассирийская агрессия на востоке вступила в новую активную фазу: частые походы сюда отразили в документах многие события из жизни стран к востоку от Ассирии. Если Саргон зафиксировал опосредованные контакты киммерийцев, то в Луристане, через который пролегали все маршруты походов, мог ли он не заметить появление этого нового контингента, о котором был осведомлен в связи с урарто-киммерийским конфликтом?

Древний Восток рассматривается скифологами как нечто аморфное за пределами скифского мира. Оттуда черпаются отдельные сведения как для решения базисных вопросов в скифологии, так и для эпизодических сопоставлений, решающих частные вопросы. Но не учитывается, что этот регион представляет самостоятельную культурную систему, произвольное обращение с которой чревато заблуждениями². Пример — упомянутая монография М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского: в заглавие вынесено понятие «Древний Восток», но именно он в исследовании отсутствует. Памятники Зивие и луристанских бронз рассмотрены вне археологического контекста, вне хронологии, вне geopolитической ситуации Древнего Востока. К тому же допущен хронологический произвол и насилие над материалом («если мысленно совсем немного усилить изгиб тела...», то можно получить желаемую эволюцию) [3, с. 96—106] — в результате произвольные сопоставления и выводы.

Оба автора упрекают меня в отходе от традиционной приверженности данным античной традиции. А много ли помогла эта приверженность для построения периодизации и хронологии РСК? С самого начала я обусловила границы поисков независимых хронологических привязок в древневосточном направлении. Впрочем, слово поиск неточно, ибо многое из рассмотренного в статье давно известно. Я попыталась соединить различные источники информации, увязать их между собой и показать, что нельзя вынуть одно звено, не разорвав всю цепь (Д. С. Раевский воспринял это как «длинную цепочку умозаключений»). Данные античной традиции не получают в этой цепи определенного места, они «плавают» в событиях древневосточной истории. Теперь это становится все более очевидным

² Как частный пример можно привести случай с изображением Иштар из краснознаменского кургана, которое стало чуть ли не хронологическим эталоном. Между тем эта иконографическая схема бытует не только в ассирийской, сколько в урартской изобразительности и именно в убранстве колесниц. Близкую параллель можно видеть на диске IX в. до н. э. [4, с. 58, рис. 30].

из исследований по новоассирийскому периоду. Эта традиционная приверженность предполагала приоритет античных источников V в. до н. э. над клинописными, современными событиями: процедура должна быть обратной — клинописные источники должны быть базой исследований, результаты которых могут сравниваться с данными античных источников. Если они конфликтуют — клинописный текст имеет приоритет [5, с. 98, здесь же анализ гипотез, основанных на приоритете античных авторов в решении вопросов скифской истории на Древнем Востоке — с. 64—98; 6, с. 71, 82]. Это не декларация, активные исследования по истории Мидии последних лет, в частности П. Хельма, С. Брауна, и сопоставительный анализ истории Геродота оставляют возможным только такой методологический подход. После века интенсивных исследований по новоассирийскому периоду стало «мучительно очевидно», пишет С. Браун, как мало совпадений между соответствующими клинописными источниками и *Медикос Логос* Геродота. Особенно «ухудшилось» положение, когда пришлось отказаться от таких, казалось бы, очевидных подтверждений Геродота, как соответствие в ассирийских источниках мидийским царям списка Геродота: Дейок / Дайукку и Фраорт / Каштариту (этому несоответствию С. Браун приводит весьма яркие доказательства) [6, с. 76—78]. В вавилонских источниках известны два последних царя — Киаксар и Астиаг — и мидийская столица Экбатаны / Агамтану. В эlamских и урартских документах сообщений о Мидии нет. Но если П. Хельм отказывает полностью в историчности сообщений Геродота о Мидии, аргументируя это тем, что Геродоту была рассказана сага о национальном освобождении мидян, которая не сохранила заслуживающей доверия исторической информации о Мидии до правления Киаксара [7, с. 77, 78], то С. Браун нашупал те три проблемы, которые действительно мешают принять историчность *Медикос Логос*. Эти проблемы суть: 28-летнее господство скифов над мидянами, внутренние противоречия в геродотовой хронологии и отсутствие соответствий между картиной, извлекаемой из ассирийских источников, и геродотовым рассказом о Мидии. Третья проблема касается сугубо мидо-ассирийских материалов и к нашей теме отношения не имеет. Что касается хронологической проблемы, то С. Браун, опираясь на выводы Р. Дрюса, показывает, что Геродот пользовался при написании мидийского раздела двумя хронологическими системами, не согласовывая их. Греческая система представляла общие хронологические рамки, позволяющие связывать хронологию Востока и Запада, другая, давшая годы правления мидийских царей, была, по-видимому, иранской [6, с. 83]. С. Браун ищет рациональное зерно в рассказах Геродота о скифах в Передней Азии и причины, по которым история о них так сильно преувеличена. Вполне вероятно, по его мнению, что скифский информатор Геродот мог рассказать ему, что скифы брались наемниками в ассирийскую армию и соответственно могли отсутствовать 28 лет. Геродот, компилируя историю из разных источников, ошибочно или преднамеренно сконструировал рассказ о покорении скифами мидийцев в эти 28 лет, подосновой которого были реальные сведения о вражде между Мидией и Ассирией. Отмечу попутно, что о киммерийских наемниках можно говорить в связи с документом 679 г. и об агрессии Ассирии не позднее мидийского восстания. Другими словами, этот реконструируемый эпизод можно было бы отнести только к первой половине VII в. до н. э. Почему Геродот настойчиво повторяет рассказ о господстве скифов над мидянами, подчеркивая обиды, понесенные ими от скифов? Казалось бы, ведь мидяне отомстили за себя. С. Браун находит правдоподобное объяснение: скифская гегемония над Мидией имеет фундаментальное значение для геродотовой полемической гипотезы о происхождении греко-азиатского конфликта. Согласно ей, персы хотели отомстить скифам за обиды, нанесенные ими мидянам (Herod. IV, 1). Отдельные эпизоды, в том числе с Мадием, были преувеличены и привязаны во времени к наиболее ярким страницам мидийской истории, но именно тогда *a priori*, как считает С. Браун, господство скифов над Мидией, страной, покорившей земли от Иранского плато до Галиса, было невозможным [6, с. 82]. Примечательно, что Страбон не связывает действия Мадия с Мидией, но только с Малой Азией.

Отсылая читателя к этой и другим работам, где он найдет анализ затронутых вопросов, хочу надеяться, что ему, в частности, нетрудно будет убедиться хотя бы в том, что та легкость решения вопросов хронологии при помощи кавалерийского наскока Мадия, которую можно было заметить в ходе дискуссии, это даже не вчерашний день науки.

Итак, сохранив главное — историчность *Медикос Логос*, откажемся от малого — скифской гегемонии над мидянами! Ведь и сам Геродот, в конце концов, говорил: «...мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (Негорд. VII, 152).

Мне хотелось бы также обратить внимание на дифференцированный подход к территории Древнего Востока: вся западная часть Малой Азии за р. Галис мною не рассматривалась и присутствие там киммеро-скифов во второй половине VII в. не отрицалось. В это время они не были ни культурным, ни политическим явлением в зоне военно-политической активности Мидии, т. е. значительно восточнее р. Галис. Этот подход остался непонятым, в частности, М. Н. Погребовой: я не могла утверждать, что «после середины VII в. скифов в Передней Азии быть не могло». В мою задачу входила систематизация материала с целью уточнения хронологии РСК. Для первых двух этапов эти материалы связаны с восточной частью региона.

Что касается 3-го этапа, то в определении его хронологии я действительно опиралась на выводы Г. Коссака, вобравшие в себя исследования Л. К. Галаниной по временному разделению Келермеса и новые даты по греческому импорту. Для первой половины VI в. до н. э. фиксируется сокращение археологических памятников, и прежде всего на Северном Кавказе. Закрытие лакуны путем завышения финальной даты памятников 3-го этапа не представляется обоснованным [8, с. 93]. В противоположность Северному Кавказу в Карпато-Подунавье сложилась иная ситуация. Г. И. Смирнова отмечает отсутствие здесь памятников 1-го этапа и их малочисленность на 2-м этапе. С моей точки зрения, это свидетельствует о том, что импульсы, шедшие из «Срединной Азии», или не достигали этого района (1-й этап), или доходили на стадии затухания к концу этапа. Поэтому естественным выглядит переживание на этой территории тех же зеркал с центральной ручкой в условиях, когда вещевой комплекс 3-го этапа еще не успевает сменить предшествующий. И сам 3-й этап, запаздывая здесь, существует дольше, чем в более восточных районах, и выход его в VI в. до н. э. закономерен. Предложенные Г. И. Смирновой временные уточнения для 2—3-го этапов в Приднестровье в сторону омоложения прекрасным образом подтверждают как механизм восточных импульсов в поэтапном сложении РСК, так и предложенную хронологию для ее основного ареала.

Для хронологии 3-го этапа более значимыми становятся привязки к греческому импорту. И конечно же, здесь слово за античниками. Но вместо «любезного сообщения М. Ю. Вахтиной» хотелось бы знать, почему выводы А. Грехэма, В. Грейса, Б. Фрейер-Шаунбург, П. Бернара, на которые опирался Г. Коссак в связи с возможностью датировать аморфный материал уже второй половиной VII в. до н. э., не принимаются отечественными античниками.

К таблице распределения памятников по трем этапам РСК заранее можно предполагать некоторые уточнения. Ведь в ее основу положена относительная хронология, разработанная во многом на материалах старых раскопок, не всегда точно фиксировавших материал. Тем не менее эта хронология, основанная на изменениях керамики прежде всего, позволила выделить ведущие типы предметов на каждом этапе. Поэтому, как мне кажется, средством контроля при перестановке памятников должна служить керамика. В случаях, когда это невозможно, в силу вступает вся совокупность инвентаря, сходство которого позволило группировать памятники. Исследованиями многих скифологов и была создана та относительная последовательность памятников, которая лежит в основе периодизации РСК. Обратимся теперь к последствиям предлагаемой Г. Н. Курочкиным передатировки Старшей Могилы вместе с «основным массивом памятников» 2-го этапа, поме-

щаемых им во вторую половину VII в. до н. э., после старших келермесских курганов. Основанием для этого служат несколько металлических панцирных пластинок, анализ металла узды и безгранична вера в культуртрегерские последствия походов Мадия. Между тем ссылка Г. Н. Курочкина на А. Ю. Алексеева в связи с датировкой стеблевского погребения, в котором тоже найдены панцирные пластинки, не влияет на дату Старшей Могилы, поскольку А. Ю. Алексеев вместо VIII в. до н. э. предлагает дату для этого погребения не ранее рубежа VIII/VII — начала VII в. до н. э. [8, с. 34, 35]. Выводы В. А. Косикова по результатам анализов не кажутся убедительными прежде всего потому, что остается неясным понятие «рудные и производственные базы» античных городов Причерноморья и, кроме того, одни и те же удила из Старшей Могилы привязываются к разным производственным базам.

Памятники 3-го этапа отнесены Г. Н. Курочкиным к VI в., ко второй половине VII в. до н. э. вместе с памятниками 2-го этапа отнесены по принципу абсолютной, но не относительной хронологии Самтавро 27, 106, Тли 68, 85, 129, сюда включены, очевидно, Жаботин 2 и 524, последний по наличию тех же панцирных пластинок. В результате получилось: на рубеже VIII/VII вв. до н. э. курган у хут. Алексеевского и комплекс у Лермонтовского разъезда, в середине VII в. до н. э.— старшие курганы Келермеса и курган 1 Красное Знамя. На Ближнем Востоке все находки РСК отнесены ко второй половине VII в. до н. э., «маркируя» второй поход скифов Мадия; в первой половине VII в. лишь одинокий «погребальный комплекс» Зиве маркирует смерть Ишпакая вопреки отмеченному самим Г. Н. Курочкиным обстоятельству, что это был период наибольшей активности киммерийцев и скифов в регионе. Возможность комментировать новую относительную хронологию памятников РСК, лакуну в первой половине VII в. до н. э. и проч. я предоставляю скифологам.

В статье И. М. Дьяконова необходимо выделить следующие важные моменты. Во-первых, он отказывается от своего прежнего понимания киммерийцев как автохтонов в Северном Причерноморье. Оно вытекало из признания в целом версии Геродота и казалось находило подтверждение в предложенном им механизме передачи фракийцами самоназвания их восточных соседей — киммерийцев — грекам. Причем сами фракийцы, как считал И. М. Дьяконов, знали это имя еще по крайней мере в XII в. до н. э. (до времени распада армяно-фрако-фригийского языкового единства), когда в их языке еще сохранялся звук *g(^w), а передали его грекам позднее, когда в их языке этот звук уже отсутствовал (переход *g > k). Произошло это не позднее времени создания Гомером «Одиссеи» во второй половине VIII в. до н. э., где в главе 11 они названы *kimmerioi* [9, с. 96—99]. Подлинное звучание этого этнонима с начальным «g» отражено в аккадской, еврейской и армянской фиксации.

Эта гипотеза И. М. Дьяконова, построенная на сложных языковых изменениях, растянутых на несколько веков, которые одновременно разделяют время восприятия этнонима и его передачи грекам, заменена гораздо более изящной конструкцией, предложенной А. И. Иванчиком. Используя идею И. М. Дьяконова о языке-посреднике, который при передаче этнонима заменил *g* на *k*, он в качестве такового предложил лидийский язык. Это единственный из языков Малой Азии, в котором фонема «*g*» отсутствует [10, с. 63—67]. И. М. Дьяконов согласился с этой заменой, отметив в этом случае невозможность помещать Киммерию в Крыму.

Для нашей темы гипотеза И. А. Иванчика интересна следующим. И. М. Дьяконов неоднократно задается вопросом: представлен ли 1-й этап РСК в Малой Азии, другими словами, как далеко от Закавказья успели проникнуть киммерийцы в саргоновское время? Сумели ли тогда урарты преградить путь киммерийцам, или они прорвались на запад? Археологические памятники nomadov в Западной Малой Азии, как отмечалось С. Р. Тохтасьевым и мною, можно отнести только в VII в., ко 2—3-му этапам РСК. Гипотеза А. И. Иванчика безупречна с исторической точки зрения. Лидия была восточным соседом греческих

городов малоазийского побережья, и новости из глубин континента могли достичь греков в основном через лидян. Лидия вела активную торговлю, находясь на стыке западного и древневосточного миров. Именно в VIII в. до н. э. трансконтинентальная торговля в обход Ассирии и территории возможных боевых действий сосредоточивается на малоазийском континенте от побережья на западе через Урарту до Закавказья на востоке. К тому же Лидия в VIII — начале VII в. до н. э. входила в состав Фригии. Следовательно, для лидян возможность достичь глубин континента и западных пределов Урарту была максимально благоприятной. Так что лидийцы могли слышать о конфликте между урартами и киммерийцами, находясь где-то поблизости. Если же исключить эту вероятность и предположить, что киммерийцы все же прорвались на запад, то в этом случае греки в конце VIII в. до н. э. могли сами непосредственно получить сведения оnomadaх, сохранив подлинное звучание их имени. Но очевидно, что когда киммерийцы действительно достигли этих земель в VII в. до н. э., 11-ая глава Одиссеи была уже сочинена.

Итак, постулируемая на основании Геродота автохтонность киммерийской культуры в Северном Причерноморье не подтверждается ни лингвистическими исследованиями, ни результатами сопоставительного анализа археологических и письменных данных, приведенных в моей статье. Бесплодность многолетних поисков этой культуры вне скифского культурного ареала также очевидна. Тезис «о тождестве археологической культуры киммерийцев и скифов» — это не «признание беспомощности современной археологической науки», как безапелляционно заявляет Г. Н. Курочкин, а состояние наших знаний в настоящий момент. При этом, конечно, следует отдавать себе отчет, что различия между киммерийцами и скифами — племенами, создавшими культуру «скифской» архаики, наверняка были, и со временем, вероятно, они обнаружатся. Говоря о единстве их культур, я прежде всего имела в виду такие их составляющие, как вооружение и конская упряжь, чем главным образом и представлена РСК на Древнем Востоке.

Вторым моментом в статье И. М. Дьяконова является вновь подчеркиваемое им специфическое понимание этнонимов «киммерийцы» и «скифы» в клинописных источниках. Согласно ему, если мы читаем «скифы», то так оно и есть, если же «киммерийцы», то мы должны иметь в виду, что писцы под этим термином часто могли подразумевать и скифов. И. М. Дьяконов допускает правоту критики А. И. Иванчиком его этимологии иранского словосложения **gām-īr(a)* — (обладающий действием хождения и т. д.). Помимо прочего А. И. Иванчик полагает, что в значении «передовой отряд без обоза и женщин» слово должно было бы включать корень “*ba*” [10, с. 64, 65]. И. М. Дьяконов, однако, подчеркивает, что, во-первых, «киммерийцы» как этноним был вторичен и мог применяться к любой группе ираноязычных nomadov, но, во-вторых, являясь вместе с тем более общим понятием, термин «киммерийцы» перекрывал входящих в него конкретных скифов и позднее саков. С обоими пунктами трудно согласиться. Имеются тексты, в которых киммерийцы и скифы названы вместе действующими в конкретных событиях³. Возможно ли совмещение двух понятий разного уровня — общего и конкретного — в одном тексте? Мог ли, например, римский историк написать, что варвары и даки нападали на северные границы империи? В разных текстах — да, но в одном — нет. Если эти термины были взаимозаменяемы, то почему это не происходило в текстах в связи с Урарту и более западными землями, но было ограничено только Ираном, где эта якобы путаница наблюдалась всего несколько лет?

Достаточно субъективным выглядит объяснение причин, по которым в запросе к оракулу по поводу сватовства Парратуа последний не мог быть назван киммерийцем (кстати, здесь противоречие и другого рода; он «не возглавлял всех вообще nomadov», но ведь только в этом случае он назван царем). Но допустим,

³ В запросе о событиях в Хубушкии оба этнонима сохранились полностью, в текстах о событиях в Бит-Хамбане и Парсумаше то один, то другой термин восстановлен, но, по мнению специалистов, восстановление знаков абсолютно достоверно [11, № 24, 35—40].

что особые причины, как считает И. М. Дьяконов, выделяют в данном случае жениха ассирийской царевны как царя именно скифов. Но почему же ассирийский царь, столь чувствительный к вероломству, что очевидно по характеру многих запросов, не обратил внимание на тот факт, что чуть ли не в этом или следующем году скифы участвуют в мидийском восстании, в событии, которого очень боялись ассирийцы, сознавая его последствия для Ассирии? Очевидно, потому, что в нем участвовали именно киммерийцы, о чем и сообщается в многочисленных запросах в связи с восстанием. Приводимый в качестве аргумента предполагаемый прикаспийский маршрут скифов и отсюда предпочтительное для И. М. Дьяконова присутствие их в Мидии, учитывая высокую мобильностьnomadov, вряд ли «работает».

В нововавилонских текстах VI в. до н. э. действительно известен термин *gimirrāja*, но то, что он мог обозначать, как считает И. М. Дьяконов, и скифов — это уже момент интерпретации. В этих текстах термин «скифы» вообще неизвестен. Несколько позднее в эlamских и древнеперсидских вариантах ахеменидских надписей использован этоним *sakā*, а термин *gimirrāja*, вообще не упоминается. В вавилонских вариантах тех же надписей древнеперсидскому и эlamскому *sakā* соответствует *gimirrāja*. Оба эти термина обозначали, в частности, и причерноморских скифов, известных по синхронным античным источникам. Таким образом, речь идет о передаче терминов с одного языка на другой, но ниоткуда не следует, что в каком-либо из этих языков была взаимозаменяемость терминов. И тем более нет оснований говорить о взаимозаменяемости этонимов «киммерийцы» и «скифы» в аккадском языке ассирийских источников VII в. до н. э., ибо она предполагалась исходя из употребления этих терминов в греческом языке и различных вариантах ахеменидских надписей.

Как известно, для вавилонских источников характерна склонность к использованию архаических терминов. Во время составления этих текстов евразийских кочевников на Древнем Востоке уже не было. Но сам выбор термина показывает, что в памяти сохранилось более знаменитое имя киммерийцев. Этот этоним не «перекрывал» всех nomadov вообще, а обозначал более могущественную группу кочевников, действовавших дольше по времени и на более обширной территории, чем скифы. Ассирийцы находились с кочевниками в непосредственном контакте и различали их. Именно такое заключение следует из непредвзятого чтения источников. И именно это позволяет мне настаивать на тезисе, что скифы и их роль в политических событиях на территории Ирана были лишь эпизодом в царствование Асархаддона. Но это вовсе не относится к роли киммерийцев на всем Древнем Востоке.

В этой связи может привлечь внимание упоминаемое И. М. Дьяконовым и С. Р. Тохтасьевым скифское царство в Сирии. Речь идет о давно известном астрологическом отчете 657 г., где сказано, что *умман-манда* — это киммерийцы, и о фрагменте текста, который С. Парпола считает частью первого. В нем упоминается некий царь «множеств» (или «вселенной») — *šar kis̄āti*, который при неблагоприятном расположении планет «будет передан его богами его врагу». События обоих текстов связаны со страной *Amitti*. Поскольку астролог вряд ли мог посметь допустить вероятность такого исхода для своего господина Ашшурбанапала, то допускается, что речь идет о плохом предзнаменовании для киммерийского царя. Страна *Amitti* (букв. «Страна западного ветра») обычно обозначала территорию Западной Месопотамии и Сирии. Что касается Сирии, то после ее разгрома Саргоном и депортации значительной части ее населения в район Загроса она вошла в состав Ассирии и вплоть до ее падения была ассирийской провинцией вместе с месопотамской территорией (Харран). Можно ли предположить, что киммерийцы в 50-е годы завоевали ассирийскую территорию, основав там даже царство? Обычно мы узнаем об ассирийских поражениях косвенно и, как правило, в том случае, если Ассирии удалось взять реванш. Что и могло бы иметь место в данном случае, раз Сирия и Харран до конца были ассирийской территорией. Ничего похожего в ассирийских источниках мы

не находим. Напротив, 50-е годы VII в. до н. э. представляются даже относительно спокойными. После успешных походов в Египет (падение Фив в 663 г. было вершиной военных успехов Ассирии) прекращается кушитское вторжение в сиро-палестинские владения Ассирии, и после признания зависимости, хотя и формального, Тиром в 662 г. у Ассирии не было трудностей в этом районе [12, с. 144]. Именно в эти годы Ассирия занимается умиротворением Вавилона, возвращая в храм Мардука священные предметы. Правда, в конце концов конфликт между ними все равно разгорелся. Но в 50-е годы «горячей точкой» был район Малой Азии и возмутителями спокойствия были как раз киммерийцы. Но обе попытки киммерийцев напасть на Ассирию около 640 г. не были успешными [12, с. 145]. Ашшурбанапал знает, что «киммерийцы, кто тревожит жителей его (Гигеса) страны (Лидии)», и никак не относит их действия на свой счет. Подоплекой предположения С. Парполя о владении киммерийцами страны *Аттигги* все-таки служит сообщение Геродота о могущественном царстве скифов. Одним из подтверждений этому не могло не послужить неверное чтение термина *saddā'u* «горец» как *sakā* [13, с. 576; 14, с. 80–81, прим. 26; в статье И. М. Дьяконова прим. 1]. Согласно более ранней работе Х. Тадмора, например, киммериец Тугдамме был одновременно и царем саков, под которым подразумевались скифы, царство которых простиралось чуть ли не до Мидии [15, с. 247]. По уточненному чтению С. Смита, получается «Тугдамме царь диких горцев или варваров». Все сказанное делает более предпочтительным мнение Л. Хартмана, полагавшего, что автор гадания 657 г. имел в виду Малую Азию, но не Сирию [16, с. 29], тем более что для гадательных текстов характерно использование архаических терминов, каким было *Амурру / Хатти*, когда-то связанное с хеттской империей. Вместе с тем в гадательном тексте вероятнее использование не названия страны в приложении к конкретной территории, а абстрактного понятия, а именно *аттигги* в значении одной из четырех сторон света — «запад». Все это вместе лучшим образом подходит для территории Западной Малой Азии, где в эти годы и действовали киммерийцы.

Только находясь в плену представлений Геродота, можно видеть в киммерийцах VII в. скифов. В отличие от клинописных текстов Геродот упоминает киммерийцев всего 9 раз (I, 6, 15, 16, 103; IV, 1, 11–13; VII, 20). Из них в восьми случаях они представлены изгоями, которых преследуют скифы, и в одном — их изгоняет из Азии лидийский царь Алиатт. Однажды они упомянуты без такой характеристики, но с существенной оговоркой: «нашествие киммерийцев... не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи». Только 1 раз упомянута военная акция киммерийцев — захват г. Сарды, хотя и с некоторым искажением: он связывает это событие с царствованием Ардиса, а не его отца Гигеса, который в связи с киммерийцами у Геродота не фигурирует. И хотя он сообщает, что Алиатт изгнал из Азии киммерийцев, господство над ней приписано скифам. Это противоречие между клинописными и античными источниками историками или не замечалось, или затушевывалось, что и отмечалось мною выше. Но это противоречие, по-видимому, результат исторической реконструкции Геродота. Месть персов за обиды, нанесенные скифами мидянам, была важным звеном в цепочке причин, приведших, согласно Геродоту, к греко-персидским войнам. Но поскольку в его эпоху этонимом «киммерийцы» уже не существовал и, следовательно, некому было мстить, он экстраполировал на всех участников переднеазиатских походов не только имя могущественных соседей ольвиополитов, но и свое представление о военно-политической значимости скифов в судьбах стран Древнего Востока. Оно же сложилось на реальности V в. до н. э. Имя скифов прославилось не во время переднеазиатских походов VII в. до н. э., а в результате имевшего огромный резонанс в тогдашнем мире похода Дария в Скифию в конце VI в. до н. э. Таким образом и сложился миф о могущественных скифах на Древнем Востоке, подхваченный современными исследователями.

Третым существенным моментом в статье И. М. Дьяконова является пересмотр

времени гибели Урарту. Он признает невозможность использовать пророчество Иеремии 594 г. в качестве доказательства существования Урарту еще в начале VI в. до н. э. Вполне можно удовлетвориться предложенным им толкованием текста пророчества. И все же проблем с этим текстом, как и с личностью Иеремии, много. Вот одна из них: Иеремия настойчиво призывал отказаться от бесполезного сопротивления Вавилону, вызывая своими действиями гнев властей, его сажали в тюрьму, а свитки с пророчествами сжигали. Навуходоносор явно миролит Иеремии, заботится о его безопасности, что явно вытекает из деятельности Иеремии (Иеремия, гл. 27—29, 39—40). И на этом фоне диссонирующими выглядят гл. 50—51 с неожиданным проклятием Вавилону. Оправданными выглядят объяснения исследователей, считающих, что эти главы были вставлены составителями ветхозаветного канона с целью нейтрализовать впечатление, что Иеремия друг Вавилона и, следовательно, предатель. Прототипами для этих глав могли послужить пророчества Исаии против Вавилона / Ассирии, особенно гл. 13—14 со сходным содержанием, которые датируются VII в. [7, с. 156—165].

Относительно даты гибели Кармир-Блура И. М. Дьяконов замечает, что это односloйный памятник, который вряд ли существовал более одного поколения, хотя и пережил двух царей или даже трех, если считать и Эримену. Даже отсюда следует, что царствования этих царей были непродолжительными. По существу об этом говорят и результаты археологических исследований: духовная и материальная жизнь Бастама, Топрак-кале и Кармир-Блура слишком близка, чтобы допустить длительное переживание последнего [18, с. 78]. Ссылка на отдаленность Кармир-Блура не очень помогает. Кармир-Блур и Бастам находятся в долине Аракса, не разделены значительными горными кряжами и по прямой между ними около 150 км. При минимальном ежедневном шестичасовом переходе, по 25—30 км в день, это расстояние можно преодолеть за 5—6 дней (расчеты см. [19, с. 114—116]). К тому же маловероятно, что Кармир-Блур — военный форпост Урарту в Закавказье — мог остаться в качестве автаркии, после того как окружающая территория была завоевана. Что касается времени, необходимого Мидии, чтобы мобилизовать силы для последующей экспансии, то его требовалось значительно меньше, чем допускает И. М. Дьяконов. Успешное завершение восстания само по себе означало, что эти силы уже созрели, а необходимость ассирийской «охранной службы» против укреплений Мидии наравне с Урарту, Манной, Хубушкией уже в 672—669 гг. красноречиво это подтверждает. В этой связи можно вспомнить, что Кир II, поднявший успешное восстание против Мидии в 553 г. и в 550 покоривший ее, уже в 549—548 гг. завоевал Парфию и Гирканию, а в 546 г.—Лидию.

В заключение можно отметить. 1. Обоснованность предложенных мною хронологических привязок не опровергается, и аргументированных возражений предложенной хронологии РСК не предъявлено. После некоторых разъяснений и уточнений, сделанных в связи с высказанными замечаниями, эта хронология может стать основой для дальнейших исследований, которые, будем надеяться, проверят ее надежность. 2. Дискуссия показала, что поиск автохтонной киммерийской культуры в Причерноморье в период, предшествующий РСК, вряд ли перспективен. 3. Хочется надеяться, что в изучении Древнего Востока наступил тот же момент, что и 100 лет назад в египтологии, о котором напомнил И. М. Дьяконов. Даже отдельные страницы истории стран этого региона VIII—VII вв. до н. э. нельзя восстановить, полагаясь только на Геродота. Сведения античных авторов могут лишь дополнить в некоторых случаях картину, но не создать канву событий, которая строится только на собственных материалах Древнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведская И. Н. Конский убор из могильника Сиалк В // *Iranica Antiqua*. 1983. V. XVIII.
2. Шер Я. А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля//Скифо-сибирское культурно-историческое единство//Матер. I Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980.
3. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток//М., 1992.

4. *Merhav R.* Chariot Accessories//Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E. The Israel Museum, Jerusalem, 1991.
5. *Zawadzki S.* The Fall of Assyria and Median — Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle. Poznan; Delft, 1988.
6. *Brown S. C.* The Medikos Logos of Herodotus and the Evolution of the Median State//Achaemenid History III. Leiden, 1988.-
7. *Helm K. R.* Herodotus' Medikos Logos and Median History//Iran. 1981. V. XIX.
8. Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.
9. Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы»)//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
10. Иванчик А. И. Об этониме «киммерийцы»//Acta Associationis Internationalis. Terra Antiqua Balcanica VI. Sofia, 1991.
11. *Starr I.* Queries to the Sungod//State Archives of Assyria, IV. Helsinki, 1990.
12. *Grayson A. K.* Assyria and Babylonia: § 24. Assyria 668—635 B. C. the reign of Ashurbanipal//CAH. V. III. 2. Cambridge; N. Y., 1991.
13. *Smith S.* review of//The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—32. By R. Campbell Thompson and M. E. L. Mallowan. Liverpool, 1933//JRAS, 1934.
14. *Cogan M., Tadmor H.* Gyges and Ashurbanipal. A Study in Literary Transmission//Orientalia. 1977. N. S. 46.
15. *Тадмор Х.* Три последних десятилетия Ассирии//Тр. 25-го Междунар. конгр. востоковедов. М., 1962. Т. 1.
16. *Hartman L. F.* The Date of the Cimmerian Threat against Ashurbanipal According to ABL 1391//JNES. 1962. V. XXI, 1.
17. *Erlundsson S.* The Burden of Babylon. A Study of Isaiah 13 : 2—14 : 23//Coniectanea Biblica. Old Testament series 4. Lund, 1970.
18. *Kroll S.* Grabungsbericht//Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978. В., 1988.
19. *Медведская И. Н.* К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н. э.//ВДИ. 1989. № 2.

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН

I. N. MEDVEDSKAYA

SUMMARY OF THE DISCUSSION

Summary

The article is aimed at rendering more explicit some problems connected with the periodisation of the Early Scythian Culture (ESC) and its chronology. The role of Central Asian components in the development of the successive stages of ESC is stressed, and the hypothesis of the Near Eastern origin of the Scythian “animal style” is questioned. The discussion seems to have resulted in a more explicit development of the following thesis: the autochthonous origin of the Cimmerian culture in the Northern Pontic area cannot be upheld; the Cimmerians and the Scythians shared a common archaic culture, but the first and the latter ones were two separated groups of nomades. In the ancient Near East the Cimmerian group was more numerous than the Scythian one, the Cimmerian group evidently had a longer period of existence and a larger habitation area. That was the reason for the preservation of the ethnonym “Cimmerians” during the later periods in the Near East. Herodotus’ information on the Scythians and their political role is strongly exaggerated and cannot be substantiated by the newest discussions of the Neo-Assyrian and Babylonian cuneiform texts.